

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье раскрываются философско-методологические и теоретические основания прикладных исследований в современных социально-гуманитарных науках. Обоснован триангуляционный подход в социальных исследованиях, представляющий взаимодействие методов наблюдения, интервью и анализа документов. Проведено сравнение позитивистской методологии количественных исследований и феноменологической методологии качественных исследований.

Научный подход к социальной практике ориентирует специалистов на необходимость исходить из эмпирических исследований при выборе процедур социальной диагностики, экспертных оценок и, тем более, социальной терапии. Научные исследования определяют перспективы, методы и подходы, на которые опирается социальная практика; способствуют формированию базы знаний, необходимой для профессиональной деятельности в социальной сфере; помогают принять конкретные решения, осуществлять социальные программы или проекты.

В свою очередь, научные социальные исследования, к которым прежде всего может быть отнесено изучение общественного мнения в социологии, политологические, социально-антропологические, социально-психологические, социально-педагогические прикладные исследования, а также комплексные исследования в социальной работе, предполагают соответствующее методологическое обоснование, выявление их философских оснований. Решение подобной задачи представляется перспективным направлением теории социального познания.

Социальное исследование соприкасается с теорией в двух отличных друг от друга аспектах. Первый из них находится на «входе», второй – на «выходе» социального исследования. Как считает В. Э. Шляпентох, высказывания о том, что теоретический анализ играет в работе разных социальных исследователей неодинаковую роль, касается, главным образом, того, что находится на «выходе», т.е. продукции исследования [1, с. 45–46]. Такой подход убеждает в том, что философские установки, если они верны, могут служить ученому надежным ориентиром, помогающим найти правильный путь в лабиринте социального исследования.

Так, ученый-обществовед будет исходить из того, что ни в одной области социального исследования объект познания не может быть сразу воспроизведен мышлением во всей его конкретности, во всем богатстве его сторон и их разнообразных взаимоотношений. В конечном счете, социальный исследователь, как и любой ученый, может воспринимать социальную реальность с помощью уже существующих наборов понятий. Роль понятий в социальной науке отчетливо видна, когда речь заходит о таком первичном элементе социального исследования, как факт.

Философия предлагает различать онтологический и гносеологический аспекты этого понятия. В онтологическом смысле факты в одном случае характеризуют наличие каких-то явлений (предметов и их свойств, отношений между ними, суждений, высказанных людьми), в других случаях – факты

процессов или действий. В гносеологическом плане фактами называются знания, полученные путем описания отдельных фрагментов действительности в определенных пространственно-временных границах.

Может ли понятие факта стать философским основанием социальных исследований? Обратимся к «Науке логики» Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. В «Разделе втором. Учение о сущности», выявляя сущность как основание существования, он определяет основание как «в-себе-бытие сущности». Гегель пишет: «Основание есть единство тождества и различия, оно есть истина того, чем оказалось различие и тождество, рефлексия-в-самое-себя, которая есть столь же и рефлексия-в-другое, и наоборот» [2, с. 281].

Парфразируя Гегеля, отметим, что философское основание социального исследования не спокойно пребывает в самом себе, а, скорее, отталкивает себя от самого себя. Понятие социального факта есть основание лишь постольку, поскольку оно обосновывает социальную реальность; но то, что произошло из основания, есть лишь оно же само, и в этом заключается формализм основания социальных исследований. Когда мы спрашиваем об этих основаниях, мы становимся на точку зрения рефлексии; мы стремимся видеть конкретное социальное исследование как бы удвоенно: с одной стороны, в его непосредственности и, с другой стороны, в его основании, где оно уже больше не непосредственно.

Эта другая сторона социального исследования является его научно-философской методологией. Поэтому анализ самой системы социального исследования должен дополняться методологическим исследованием факторов, детерминирующих построение этой системы; принципов, реализующих ее функционирование; механизмов, осуществляющих действия с объектами исследования на основе предписания соответствующих социальных наук.

Термин «методология» многозначен. Одним из наиболее распространенных значений этого термина является: специальное описание совокупности приемов и методов, применяемых в какой-либо сфере деятельности или исследовании [3, с. 21–22]. Методология, таким образом, изучает взаимообусловленность, взаимосвязь и зависимость систем социальных знаний и систем исследовательской деятельности.

Методологический и, прежде всего, теоретический аппарат, которым оперирует социальный исследователь, аккумулирует все достижения социальных наук, с помощью которых добываются новые знания. Их роль в производстве знания может быть сопоставлена с ролью средств производства в экономике. Поэтому научно несостоятельна попытка исследовать социальные явления, не опираясь на достигнутые ранее выводы.

Гегель отмечал, что «основание не только просто тождественно с собой, но также и различно, и можно поэтому указать разные основания для одного и того же содержания» [2, с. 283]. Эта разность оснований социального исследования переходит в результате в противоположность, в форму оснований «за» и «против» одного и того же содержания исследования, что особенно заметно на примере противоположности философских оснований «количественных» и «качественных» исследований в социологии.

Если рассматривать конкретное социальное исследование, то оно есть содержание, в котором можно различать несколько сторон: вид исследования, методы исследования, объект и предмет исследования, его цель и задачи, инструментарий и др.

Кроме того, поскольку основание социального исследования не имеет в себе и для себя определенного содержания и можно находить основания как для «количественных» исследований, так и для «качественных», постольку решение того, какие основания могут быть признаны имеющими значение, оказывается предоставленным субъекту исследования – социологу, политологу, антропологу, демографу и др. От индивидуального устроения и индивидуальных намерений социального исследователя зависит, какому основанию он отдаст предпочтение.

Триангуляционный подход в социальных исследованиях

Объект социального исследования редко бывает одномерным, гомогенным, гармоничным, стабильным. Обычно он отличается многоаспектностью и многокачественностью. В нем присутствуют отголоски многих форм, видов, типов, аспектов социальной действительности. Другими словами, объект социального исследования характеризуется «сложностью», и значит вопрос о технологии исследования превращается из чисто инструментального, вспомогательного в методолого-инструментальный и, следовательно сущностный.

Б. З. Докторов считает, что методология социальных исследований – «это совокупность принципов конструирования и использования опросных методов и технологий. Процедуры, методы и технологии опросов достаточно подвижны, изменчивы и эмпиричны, методология – более консервативна и теоретична» [4, с. 41]. Поиски дефиниций для составляющих процесса социального измерения представляют определенную сложность, поскольку историчны, переменчивы во времени и сам этот процесс, и его научная интерпретация.

Изучение перехода различных теоретических положений и эмпирических методов из одной области социального знания в другую является важной частью историко-научного и философско-методологического анализа. В этом случае, в частности, открывается процесс становления триангуляционного подхода в социальных исследованиях.

Применение триангуляционного подхода в полевых исследованиях принято считать инновацией XX в. В работах английского этнографа и социолога Бронислава Малиновского начала 1920-х гг. впервые появилось детальное обсуждение примененной методики интенсивных полевых исследований в антропологии. Его идеи, касающиеся сбора статистических данных, детальных наблюдений и этнографических выводов, стали основой триангуляционного подхода в полевых исследованиях.

Совершенствование методов социальных исследований в Англии было тесно связано с работами Ч. Бута, С. и Б. Вэбб в области социального реформирования. Возможно, исследование проблемы бедности жителей лондонского Ист-Энда Ч. Бутом было первым, в котором предпринята попытка комбинировать статистические сведения с интервью и включенным наблюдением. В книге супругов Вэбб «Методы социального исследования», вышедшей в 1932 г., и автобиографии Б. Вэбб «Мое ученичество» высказывалась мысль о том, что наблюдения должны быть соединены с другими методами социального исследования, прежде всего интервьюированием и сбором документов.

Свое дальнейшее развитие триангуляционный подход получил в работах социологов Чикагской школы. Исследования, проводимые ими, не были ограничены тем или иным методом. Наоборот, одним из признаков Чикагской школы было широкое использование самых разных методов, которые

комбинировали материал наблюдений с интервью и различными типами документальных источников.

Таким образом, полевое социальное исследование не сводится к единственному методу или технике. Исследователь почти одновременно наблюдает, беседует с респондентами и читает относящиеся к изучаемой проблеме письменные документы. Столь разнообразные методы используются потому, что нет ни одного источника социальной информации, которому можно было бы доверять в достаточной степени для того, чтобы составить полное представление о происходящих событиях и их участниках.

Не случайно А. И. Ракитов характеризует метод, относя его к «типу знания о действиях, необходимых для получения новых единиц знания» [3, с. 81].

Используя комбинацию наблюдений, интервьюирования и анализа документов исследователь способен проверить, а затем перепроверить свои выводы. Он будет опираться на силу каждого метода сбора данных, минимизируя слабости конкретного исследовательского подхода. Такой триангуляционный подход к социальным исследованиям увеличивает общую валидность, перекрывая достоинствами одного метода недостатки другого, и надежность данных социального исследования.

Вместе с тем стратегия триангуляции приносит хорошие результаты не только на стадии сбора данных при изучении конкретного социального явления, но и на стадии анализа данных. Можно говорить о нескольких типах триангуляции, которые способны обосновать результаты полевого исследования, среди которых: «методическая триангуляция» (проверка устойчивости результатов, полученных с помощью разных методов сбора данных) и «теоретическая триангуляция» (использование нескольких теорий для интерпретации данных) [5, с. 308]. Комбинируя теории, методы и источники данных, исследователи получают возможность преодолеть смещение, неизбежное при подходе к исследованию с одним-единственным методом, одним источником данных, одной теорией.

В этом процессе синтетического познания определенная роль принадлежит методу классификации изучаемых социальных явлений. После того, как становится известно, что некоторый круг исследовательских методик обладает простой, элементарной всеобщей определенностью, следующим шагом по пути их познания должно быть их подразделение, классификация на методы «количественного» и «качественного» исследований. Причем на данной стадии, подразделяя методы исследования, мы еще не можем сразу вскрыть их внутреннюю природу, их глубокие отношения как разных видов. Другими словами, мы не можем сразу же в результате классификации составить понятие, отражающее природу, сущность классифицируемых методов.

Некоторые социальные философы скептически относятся к теоретическим потенциам прикладных социальных исследований, не признавая возможность построения новой теории для частных социальных явлений до того, как решены общетеоретические проблемы. Их соображения были бы справедливы, если бы частные социальные явления не обладали известной автономией, если бы их нельзя было рассматривать как самостоятельные системы, функционирующие в определенной среде [1, с. 48]. Данное обстоятельство позволяет выявить теоретические основания методов социальных исследований.

Позитивистская методология «количественных» исследований

Требует уточнения широко распространенное утверждение о том, что философия служит методологией социального исследования. Попытка представить философию как универсальный метод приводит лишь к ее дискредитации. Философия применима как метод решения определенного класса проблем социального познания, которые называются философскими проблемами социально-гуманитарных наук. Именно поэтому позитивизм противопоставил «метафизике» стремление к построению системы знания, враждебного спекуляциям, бесспорного и точного, опирающегося исключительно на факты. При этом содержание такого знания должно быть сведено к непосредственно данному.

Основной постулат философии позитивизма состоит в том, что социальные структуры и все общественные явления представляют собой, по сути, объективную реальность, не зависящую от идей, мнений, стереотипов сознания и поведения включенных в них индивидов. Позитивизм признает неизменность тех структур и функций, которые лежат в основе общества, и то, что само общество есть их совокупность. Из этого следует ограничение идеала социального знания описанием явлений общественной жизни, переживаемых, осознаваемых человеческой психикой.

В позитивистском представлении социология являлась наукой, изучающей закономерности формирования, функционирования и развития общества, что ставило ее в один ряд с естественными науками, такими как физика или биология, целью которых также является познание закономерностей существования и развития различных природных процессов окружающего мира.

В этом смысле социальный факт принципиально не отличается от факта природного явления, и задача социологии заключается в том, чтобы как можно более точно зафиксировать социальные действия, сопоставить их с другими фактами, установить зависимости между переменными, построить теоретические модели тех структур, которые стоят за наблюдаемыми социальными явлениями. Такая позитивистская натуралистическая ориентация во многом определила интерес и приоритетное внимание социальных исследователей к «количественным» методам [5, с. 53–54].

Таким образом, позитивизм истолковывает научные законы в общественности как фиксацию сосуществования явлений и функциональных зависимостей между ними. Но при этом социальные исследователи сталкиваются с проблемой многозначности интерпретации долевых соотношений, на основе которых делаются выводы в анкетных опросах и структурированных интервью. К примеру, опираясь только на «количественные» методы социальных исследований, сложно объяснить, почему чувство удовлетворенности уровнем материального положения в более экономически развитых обществах, как правило, немногим выше, чем в менее развитых.

Для того чтобы конкретизировать идею связи теоретического и эмпирического знания, в методологию социальных исследований вводится представление о наблюдаемых величинах, с которыми должна быть связана социальная теория. При этом наблюдаемым считается не обязательно объект, воспринимаемый в прямом смысле, но объект, который поддается измерению в социальных науках. Э. М. Чудинов отмечает: «Наблюдаемость – это измеримость. Кроме того, во многих случаях существенной оказывается не фактическая, а

принципиальная наблюдаемость» [6, с. 69]. В социальных исследованиях типичным оказывается переход от реального эксперимента к идеализированному (мысленному). В этом случае принципиально наблюдаемым оказывается все то, что может быть измерено в условиях такого эксперимента.

В социальных исследованиях появляется потребность понять значения и смыслы, которые стоят за однозначными анкетными ответами: «да», «нет», «затрудняюсь ответить». Наряду с анкетными опросами стали применяться иные методы социальных исследований: включенное наблюдение, глубинное интервью, методы «фокус-групп» и др. Однако сочетание «количественных» и «качественных» методов не представляет собой механическое сложение методик позитивистско-натуралистической социологии – с одной стороны и понимающей социологии и символического интеракционизма – с другой. Для понимания сложности задачи такого сочетания методов следует обратиться к теоретическим основаниям феноменологии.

Феноменология «качественных» исследований

Феноменологический подход как основание социальных исследований интересен, прежде всего, тем, что принципиально не признает саму возможность существования только одной «единственно верной» интерпретации изучаемого социального явления или процесса. Феноменология стремится познать логику и истину множества индивидуальных и коллективных миров в противовес единственному объективистскому миру фактов.

Такой подход не требует в ходе социального исследования обозначать для респондента границы знания, но предполагает интерес исследователя к их познанию и соответствующее отношение к респонденту как носителю мира значений и смыслов неизвестной исследователю социальной реальности. В этом случае научное специализированное знание и обыденное, повседневное знание социальных явлений становятся равноправными объектами социологического исследования.

Еще П. Бергер и Т. Лукман в книге «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» показали, что научная «реальность», сконструированная на основе теоретических положений и эмпирических исследований позитивизма, – это не единственная «реальность», которая отражает картину мира. Помимо нее существует мифологическая реальность, реальность религиозной жизни, дотеоретическая «реальность» обыденной жизни людей, которая составляет основу повседневного социального знания. Именно это повседневное, обыденное знание должно быть предметом феноменологических социальных исследований.

Вместе с тем феноменологический подход предполагает, что познание такой социальной реальности возможно исследователем, обладающим не всяким жизненным опытом, а только таким, который способен к определенным логическим процедурам, к саморефлексии, сопоставлению пережитых фактов, впечатлений и т.п. (по А. Шютцу). В методологическом плане это ведет к отказу от классических процедур социального исследования по четким операционализациям понятий и замены их на понятия, которые не имеют претензий на универсальный, категориальный характер и максимально приближены к данной конкретной ситуации, к пониманию социального явления в его контексте [5, с. 59].

«Качественные» методы социальных исследований представляют собой реализацию феноменологического подхода к изучению социальных процессов и явлений, где в зависимости от целей и задач исследования основное внимание уделяется изучению способов и особенностей рефлексивности субъектов исследования по поводу социальной реальности и причин такой рефлексивности. Если с помощью «количественных» методов исследований, основанных на методологии позитивизма, в первую очередь выясняется «кто и как отвечает» и «сколько отвечают», то применение «качественных» методов социальных исследований позволяет определить «что означают ответы» и «почему так отвечают представители данной социальной группы». При этом результаты социального исследования являются продуктом рефлексивности исследователя, изучающего рефлексивность респондента по отношению к объекту исследования, т.е. результатом «двойной рефлексивности» [5, с. 75].

Социальный исследователь, исходящий из принципов философии позитивизма, обычно не принимает во внимание то обстоятельство, что проводимые им исследовательские процедуры в определенной мере создают новую социальную реальность и что объект его изучения уже никогда не будет тем же, каким он был в начале исследования. Позитивизм допускает, что под влиянием исследователя может сформироваться мнение респондента, которое не вполне соответствует его действительным представлениям по вопросу, интересующему исследователя. Однако если влияние исследователя не очень заметно, то в «количественных» исследованиях считается, что выявленное мнение в целом правильно отражает объективные социальные процессы, происходящие в обществе.

В свою очередь, феноменологическая методология предполагает, что каждый респондент конструирует собственную социальную реальность, которая может меняться под влиянием внешних условий, например новой информации или внутренних процессов, происходящих в самом индивиде. Исследователь при этом может выступать внешней причиной изменений представления респондента о его реальном мире.

«Качественные» методы социального исследования не противопоставляются «количественным» методам, но и не являются их дополнением. Данное обстоятельство предполагает научно-философское обоснование выбора метода современных социальных исследований.

Современная парадигма социальных исследований

В основе подобного выбора может лежать стремление философов предоставить в распоряжение ученых-обществоведов модель социальных исследований, построенную на абстрактно-теоретических методах анализа, использовании общих схем и парадигм научного познания в противовес индуктивному методу познания. В рамках такой модели нашли бы свое рассмотрение не только специфические проблемы познания социальных процессов и явлений, но и ключевые вопросы самой методологии социальных исследований, возможности ее применения в других областях знаний.

Особенностью модели стало бы то, что в результате проведенной классификации методов «количественных» и «качественных» исследований внутренние отношения между видами социальных исследований не были бы вскрыты. Отношения же между методами социального исследования, кото-

рые выясняются при этом, сводятся к тому, что они, т.е. методы, должны определяться относительно друг друга по принятому основанию деления – позитивистской или феноменологической методологии. На данной стадии выработки исследовательской парадигмы подразделением методов выполняется познавательная задача, состоящая в том, чтобы упорядочить найденные в эмпирическом материале объекты социальных исследований, отличающиеся теми или иными особенностями, хотя бы внешними чертами, и для групп социальных явлений с этими особенностями найти общие определения посредством сравнения указанных явлений [7, с. 142].

Сомнения по поводу философских и методологических основ социальных исследований связаны, как правило, с вопросом о неадекватности парадигм, которые используются исследователями. В частности, имеется в виду то, что заимствованная из естественных наук методика зачастую неприемлема для изучения изменчивых и неуловимо тонких социальных явлений. Взамен предлагаются новые парадигмы, различающиеся в зависимости от представлений о том, что можно считать достоверным социальным исследованием.

Новые исследовательские процедуры имеют много общего с традицией применения «качественных» методов. В этом случае наибольшей достоверностью обладает информация о социальных явлениях и процессах, которую можно получить, что называется, из первых рук. Сложные социальные явления могут быть лучше поняты путем подробного анализа конфигурации событий, причем инструментом такого анализа должны быть, скорее, слова, чем цифры и процентные соотношения.

Сторонники новой парадигмы призывают уделять более серьезное внимание сущности и происхождению социального знания и способам его получения, поскольку возникают расхождения в оценке достоверности научных знаний. Эти расхождения не могут быть преодолены простым сопоставлением фактов и аргументов. У. Рейд считает, что уместным представляется деление подходов к оценке полученного в ходе социального исследования знания на «бескомпромиссные» и «умеренные». Первый подход требует доказательств, основанных на объективных количественных измерениях, с проверкой альтернативных вариантов. Второй подход принимает за истинные выводы, в которых отражаются сложные взаимосвязи и особенности рассматриваемых социальных явлений. Указанные подходы не сводятся лишь к оценке методов конкретного исследования, оба подхода проявляют себя и при разработке теоретических основ социальных исследований [8, с. 385].

Идея предоставить значительную роль методикам социальных исследований, не пользующимся «количественными» методами, лежит в основе новой парадигмы. «Качественные» подходы в исследованиях открывают возможность проникнуть в сущность социальных явлений, что выходит за пределы возможностей стандартной «количественной» методологии. Вместе с тем среди проблем современных социальных исследований выделяются их недостаточная точность и возможная необъективность исследователя.

Точность и беспристрастность являются общим требованием для всех научных подходов и не могут быть ограничены той или иной методологической традицией или философским направлением в социальной науке. Вопросы субъективности, предположительности, альтернативных объяснений в социальных исследованиях могут обсуждаться в ходе дискуссий не только по проблемам методики, но и по проблемам философско-методологических основ современных социальных исследований.

Список литературы

1. **Шляпентох, В. Э.** Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал / В. Э. Шляпентох. – М. : ЦСП, 2006. – 664 с.
2. **Гегель.** Энциклопедия философских наук / Гегель. – М. : Мысль, 1971. – Т. 1: Наука логики. – 452 с.
3. **Ракитов, А. И.** Курс лекций по логике науки / А. И. Ракитов. – М. : Высшая школа, 1971. – 176 с.
4. **Докторов, Б. В.** Отцы-основатели: история изучения общественного мнения / Б. В. Докторов. – М. : ЦСП, 2006. – 488 с.
5. **Ковалев, Е. М.** Качественные методы в полевых социологических исследованиях / Е. М. Ковалев, И. Е. Штейнберг. – М. : Логос, 1999. – 384 с.
6. **Чудинов, Э. М.** Нить Ариадны. Философские ориентиры науки / Э. М. Чудинов. – М. : Политиздат, 1979. – 126 с.
7. Формальная логика / отв. ред. И. Я. Чупахин, И. Н. Бродский. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1977. – 357 с.
8. **Рейд, У.** Исследования в социальной работе / У. Рейд // Энциклопедия социальной работы : в 3 т. / пер. с англ. – М. : ЦОЦ, 1993. – Т. 1. – С. 382–389.